

© Н.С. АНДРЕЕВА

kphil@utmn.ru

УДК 316.647.5:18

ОБНАРУЖЕНИЕ ОСНОВАНИЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ЭСТЕТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ ЧЕЛОВЕКА

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена социально-культурному феномену толерантности. Автор предпринимает попытку обнаружить основания толерантности в процессах эстетического смыслообразования. Обосновывается роль художественной формы в становлении человеческого самосознания.*

SUMMARY. *The given article is devoted to the socio-cultural phenomenon of tolerance. The author tries to reveal the bases of tolerance in the process of aesthetic sense-formation. The role of artistic form in the generation of human consciousness is determined.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. *Толерантность, эстетическое измерение, архетип, человеческая красота.*

KEY WORDS. *Tolerance, aesthetic dimension, archetype, human beauty.*

Судя по числу публикаций, проблема толерантности существует в российском обществе. Эта проблема представляет интерес, поскольку связана с проблематикой политической культуры общества, с наличием в нем «обратных связей» и дееспособного института общественного мнения или «публичной сферы» — феномена, в котором происходит коммуникация, обмен мнениями, информативное взаимодействие между субъектом и объектом власти, диалог между ними. Публика может контролировать действие административной власти и правительственных институтов: влияние обеспечивается коллективной идентичностью (а российская история насчитывает множество «потерянных поколений»), и, кроме того, минимальными предпосылками и основами согласия, которые включают в себя принцип толерантности.

Толерантность (терпимость по отношению к инакомыслию, чужим взглядам, верованиям, поведению) — важный признак общей и политической культуры, необходимый элемент гражданского общества и правового государства. Представляется актуальным анализ исходных причин явления терпимости (или, напротив, нетерпимости) силами социальных и философских наук, их антропологических и эстетических направлений; задача такого анализа — обнаружение истоков толерантности, в том числе в эстетическом восприятии и самовосприятии европейского человека, в эстетическом измерении человека, в восприятии человеческой красоты.

Происходящие в антропогенезе процессы становления и самопознания человека обусловлены эстетическими факторами. Ощущение красоты, эстетическая эмоция — сигнал своеобразной познанности: эстетическое восприятие улавливает в самых разнообразных единичных явлениях универсальное диалектическое единство мира или общую сущность, пробуждающую в нас при их восприятии одно и то же ощущение красоты. Чувственное познание было реабилитировано в европейской философии классического периода. И. Кант манифестирует эсте-

тику не столько в качестве науки об искусстве, сколько в качестве науки о чувственном (непосредственном) познании: вершиной такого познания явилось искусство. Искусство, как и философия, предлагает решение предельных вопросов, но не в логически-дискурсивной, а конкретной, чувственно воспринимаемой, образной форме. Согласно И. Канту, у человека не может возникнуть верного суждения на основе одного только разума или логики, без продуктивного воображения, без эстетической интуиции, или эстетической способности суждения. В субъективной эстетической оценке человек способен выявить нечто всеобщее без посредства понятий. Более того, именно в этой способности души И. Кант видел конечное разрешение загадки познания: механизм формирования системы представлений, механизм перехода от индивидуальной спонтанности формального обобщения к общему пониманию заложен в художественной интуиции, в той ценностной эмоции, которая есть чувство прекрасного. Последователь И. Канта Ф. Шиллер создает теорию эстетического воспитания. Ф.В.Й. Шеллинг обнаруживает единство между истиной и красотой: прекрасное — это истина, явленная в доступном для чувственного восприятия образе.

По мере развития философской эстетики роль искусства в антропогенезе все более акцентировалась. Основываясь на важнейших эстетических концепциях, мы приходим к выводу: искусство обеспечивает раскрытие глубинных сущностных характеристик человеческого бытия, саму возможность самоузнавания человеком и человечеством своей сущности без опасности саморазрушения, а также, помимо этого, развитие и развертывание этих характеристик, то есть онтологизацию человеческого как собственно человеческого. Данный тезис фундируется эстетической антропологией — перспективным направлением философской мысли [1; 190]. Обнаруживая глубинные основания качеств культуры в человеческой истории и человеческой психике, в истории красоты, в бессознательных архетипах и в опыте эмоционального переживания, «эстетическая антропология хорошо подчеркивает диалектическое единство многообразного в человеке и человечестве» [2; 68]. Происходящие в антропо-социогенезе процессы онтологизации или перевода понятий из сферы сознания в сферу бытия обретают собственную структуру: «уже довольно давно расширение возможностей искусства в обобщении и синтезе разнородного человеческого достигло статуса идеи. Изображение и выражение идеи и сущности собственно человеческого бытия способствовали гуманистической солидаризации множественных человеческих усилий...» [2; 68]. М.Н. Щербинин отмечает также, что воздействие эстетических факторов в целом имеет стабилизирующий и гармонизирующий характер, сглаживая проявления межпоколенческой или межэтнической несовместимости.

Человечество находится в постоянном поиске собственной идентичности в зеркале своей философии и своего искусства, на передовой героической битвы за самоидентификацию человека. С древнейших времен эстетические представления о человеке, развиваемые средствами искусства, удовлетворяют потребность в самоидентификации, самоопределении, самопознании целых поколений. При этом поколения формируют гармоничное для данного этапа социальное пространство и утверждаются с ним в истории [1; 195]. Красота человека как антропологическая и антропометрическая категория участвует в разрешении вопросов обнаружения, измерения, достижения социального единства и социальной гармонии, самоуправления и самоорганизации в социальных системах.

В эстетическом измерении человека вступает в силу понятие «художественной формы», согласно концепции М.К. Мамардашвили имеющее статус матричной онтологической структуры сознания. Силой художественной формы становится возможным собрать вместе разрозненные части информации, найти их смысл. Эти формы создают из «размазанного» во времени человеческого существа человека символического, «полного», «собранного» вот этой формой. Символы работают как посредники между бесконечной сферой сознания, его архетипической структурой, и конечным человеческим существом. Символическая реальность воздействует на нас через впечатления, которые тревожат, так как несут скрытую информацию о нас [3; 80-81].

Исследуя феномен человеческой красоты, мы рассматриваем человека сквозь призму эстетических категорий. Человеческая красота, идеалы и типы которой культивирует искусство, архетипически участвует в гармонизации социума. Исторический пример такого собирания топоса — статуарное искусство античности. Греческое самосознание не просто мыслило мир и мировой строй вещей по аналогии с прекрасным человеческим телом. В античности тело, пластически представленное, служило мерой единства диалектически противопоставленных аспектов человеческой сущности — природных и социальных, материальных и духовных, родовых и индивидуальных. Красота, пропорции и симметрия скульптуры — это количественно-качественная мера собирания социума в исторически усеченной (телесной) форме гармонии.

Можно поразмышлять о взаимоотношениях других видов искусства с европейской историей, к примеру, об искусстве романа, превратившемся на определенном историческом этапе в лидирующий вид искусства буржуазной эпохи. Роман возник как гротеск (романы странствий Рабле, Сервантеса, Свифта), как один из способов онтологизации человеческого в мере единства природного и социального на определенном этапе антропогенеза — вскоре вслед за опытом карнавальная культура Возрождения. В гротескных образах мир, в его несовершенстве, незавершенности и становлении, явился средой для такого же незавершенного и амбивалентного субъекта самопознания — человека «из ярмарочной толпы». С точки зрения приемов эстетической антропометрии гротескный архетипический образ визуализирует границы социально допустимого и недопустимого. Где-то в глубинах данного эстетического опыта укоренен и принцип толерантности. В романе мы вступаем в сферу комического, но более тонкого и драгоценного, нежели осмеяние или унижение. Реальность внезапно открывается во всей ее двусмысленности, а вещи теряют очевидность. Комический Дон Кихот — кто угодно, но только не пример для подражания. Персонажи романов не требуют, чтобы ими восхищались за их добродетели. Зато они требуют, чтобы их понимали, а это несравненно важнее.

Гротескный образ высвечивает человеческую сущность в ее глубине, единстве и незавершенности. Герои романа олицетворяют не социальные типы, а скорее архетипы. При этом обнажается единство родовой, природной, социальной, индивидуальной сущности человека в состоянии незаконченной метаморфозы, в состоянии перехода от старого к новому, от смерти к рождению. Гротескный образ сочетает хвалу и брань, развенчивает и увенчивает одновременно. По-видимому, в основе этого явления лежит представление о мире, человеке и социуме как о вечно «неготовых», становящихся и развивающихся.

Но не уступает роману в своем смыслообразующем, солидаризирующем воздействии и музыкальное искусство. Музыка — говоря словами киносценариста А.Тарковского — «приведенный к гармонии шум», она и объединяет, и потрясает, на первый взгляд бесцельно и бескорыстно, но ведь все в конечном итоге имеет свой смысл и причину: музыка способна собрать вместе разрозненные элементы социума. Череду видов искусства можно продолжить, обращаясь к живописи, театру, кинематографу.

Эстетическое восприятие само по себе предполагает начальный уровень терпимости. Оно же онтологизирует, объективирует терпимость. А.Н. Леонтьев, исследовавший проблему генезиса психики, говоря о разных уровнях психического отражения, полагал, что чувственное отражение опосредуется значениями. Согласно А.Н. Леонтьеву, рациональное мышление опирается на начальный уровень человеческой способности непосредственного восприятия, на эстетическую интуицию, но оно и развивает эту способность [4; 83].

Терпимость (приятие) начинается с «примерки» иного на себя. Через эмпатию, эмоциональное сопереживание с судьбой персонажей искусства, в которых персонифицируются признаки данной социальной группы, посредством вчувствования, толерантное отношение к различным социальным группам из декларативного принципа становится предметным, осязаемым. Как качество культуры, терпимость к иному мнению, иным ценностям характеризует сознание и поведение целых социальных групп.

В становлении понятия отразились и ценности индивидуализма, ценности человеческой жизни и самореализации во множестве ее проявлений.

Являясь традицией западной культуры и опытом поколений, принцип толерантности во многом обусловлен эстетическими факторами, как и весь процесс смыслогенеза в целом, как и становление того или иного типа культуры. Эта культурная норма укоренена в коллективно-бессознательных представлениях и в языке. К примеру, «ловушки» русского языка почти не оставляют надежды на развертывание этого принципа в массовом сознании во всей полноте его смысла. Терпимость — производное от «терпеть», терпение же умаляет человеческое достоинство: гражданское долготерпение или попустительство несовместимо с гражданским достоинством (термины уважение и достоинство имеют исконно политическое и политологическое звучание).

Словарь иностранных слов (1977) гласит: «Толерантность — лат. *tolerantia* терпение — терпимость к чужим мнениям и верованиям; снисходительное отношение» [5; 284]. У С.И. Ожегова читаем: «Терпимый — ...2. Умеющий без вражды, терпеливо относиться к чужому мнению, характеру и т.п.» [6; 731]. И лишь Декларация принципов толерантности (терпимости), принятая Генеральной конференцией ЮНЕСКО на ее 28-й сессии 16 ноября 1995 г., разрешает наши сомнения по поводу смысловой наполненности понятия, определяя его следующим образом: «Терпимость означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, форм самовыражения и проявления человеческой индивидуальности... Это не только моральный долг, но и политическая и правовая потребность» [7; 491]. Уважение, понимание и принятие («принятие») — это те общие понятия, через которые определяется толерантность в декларации ООН. Терпимость — это не попустительство: «Терпимость — это не уступка, снисхождение или потворство. Терпимость — это

прежде всего активное отношение...» [7; 491]. Затрагивая этические и правовые аспекты толерантности, наряду с равенством в правах отдельных лиц и групп людей Декларация упоминает о «равенстве в достоинстве» [7; 492].

Итак, искусство принимает непосредственное участие в формировании основных принципов культуры. Становление толерантности, в том числе посредством эстетического образного обнаружения, в конечном итоге было закреплено в Декларации принципов толерантности ЮНЕСКО 16 ноября 1995 года.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Щербинин М.Н. Эстетическое бытие социума // Вестник ТюмГУ. 2009. № 5. С. 190-199.
2. Щербинин М.Н. Эстетическая антропология: предмет, метод, проблематика // Эстетическая антропология: Коллективная монография. Тюмень: Вектор Бук, 2007. 248 с.
3. Скляренок Е. Мераб Мамардашвили за 90 минут. М.: АСТ; СПб.: Сова, 2006. 94 с.
4. Буткевич О.В. Красота: Природа. Сущность. Формы. Л.: Художник РСФСР, 1983. 438 с.
5. Локшина С.М. Краткий словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1977. 351 с.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Советская Энциклопедия, 1973. 846 с.
7. Декларация принципов толерантности // Ирхин Ю.В. Социология культуры: учебник. М.: Экзамен, 2006. С. 491-493.